

РОМАНЫ «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА» И «Т» В. ПЕЛЕВИНА: ТОЛСТОВСКИЕ И БУДДИЙСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ

Л. В. Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика

Поступила в редакцию 12 октября 2023 г.

Аннотация: в статье анализируются межтекстовые связи романов В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота» и «т». В центре внимания книги «т» оказывается фигура Л. Н. Толстого, представляющая собой одновременно и масскультную проекцию сложившегося в российском обществе мифа о великом русском писателе и религиозном деятеле, и инвариант пелевинского героя-сталкера, духовного искателя, обнаруживающего фальшивую природу реальности и устремляющегося к освобождению из нее. Эпизодические и второстепенные персонажи романа «Чапаев и Пустота» становятся главными героями романа «т», при этом набор концептов, связанных с их жизнью и творчеством, наполняется Пелевиным буддийским содержанием. В частности, писатель деконструирует в буддийском ключе сюжеты и образы толстовской прозы. Кроме того, Пелевин, развивая идеи, обозначенные в «Чапаеве и Пустоте», организует в книге обусловленные буддийской проблематикой заочные диалоги между героями и их прототипами, между толстовством и буддизмом, наконец, между профанной и подлинной версиями буддизма.

Ключевые слова: В. О. Пелевин, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, буддизм, буддийский текст, толстовство, деконструкция мифа, ирония, сатира, буддийская философия

Abstract: the article analyzes the intertextual connections of V. Pelevin's novels «Chapaev and Void» and «t». The focus of the book «t» is the figure of L. Tolstoy, which is both a mass-cultural projection of the myth of the great Russian writer and religious figure that has developed in Russian society, and the invariant of Pelevin's stalker hero, a spiritual seeker who discovers the false nature of reality and aspires to liberation from it. Episodic and minor characters of the novel «Chapaev and the Void» become the main characters of the novel «t», while a set of concepts related to their life and work is filled by Pelevin with Buddhist content. In particular, the writer deconstructs the plots and images of Tolstoy's prose in a Buddhist way. In addition, Pelevin, developing the ideas outlined in «Chapaev and the Void», organizes correspondence dialogues in the book, conditioned by Buddhist problems, between the heroes and their prototypes, between Tolstoyism and Buddhism, and finally, between profane and authentic versions of Buddhism.

Keywords: V. Pelevin, L. Tolstoy, V. Solovyov, Buddhism, Buddhist text, Tolstoyism, deconstruction of myth, irony, satire, Buddhist philosophy.

Интерес Л. Н. Толстого к буддизму общеизвестен. Так, великий русский писатель собирался создать жизнеописание Будды Шакьямуни («Сиддарта, прозванный Буддой, т.е. святым. Жизнь и учение его»), написал два рассказа, в которых обнаруживаются буддийские мотивы («Карма» и «Это — ты»), цитировал Будду в своей просветительской публицистике. Внимание Толстого к буддизму, близость его мыслей отдельным положениям буддийского учения отмечала русская религиозная философия, о сходстве и отличии толстовства и буддизма пишут современные исследователи истории философии [1, 38; 2, 10; 3, 39].

Русская художественная литература также осмысляла и продолжает осмыслять буддийские составляющие образа Льва Толстого. Спустя десятилетия после появления знаменитого эссе И. А. Бунина «Освобождение Толстого» на эту же тему, но по-своему

высказался А. Л. Иванченко в книге «Освобождение Толстого: буддийские мотивы в жизни и творчестве Л. Н. Толстого» (2005) [4]. Образ писателя, связанного с буддизмом, можно увидеть в главе «Мертвый будда исхода времен» из книги «Путевые знаки» В. С. Березина. Но, конечно, наиболее яркий образ Льва Толстого создан в романе Виктора Пелевина «т» (2009). Главный герой этой книги является очевидной отсылкой к образу великого писателя, из которого русское массовое сознание сотворило одновременно серьезный и комический миф [5].

Оговоримся, что в данной статье анализ образа Льва Толстого в пелевинском творчестве осуществляется в рамках исследования «буддийского текста» русской литературы, который отталкивается от концепции «петербургского текста», разработанной В. Н. Топоровым [6] и транспонированной литературоведами в религиозную сферу [7].

Виктор Пелевин начал разрабатывать свой миф

о Толстом сравнительно рано: образ этого писателя появляется в пелевинской прозе и в 1990-е годы, и в начале нулевых. Так, например, толстовская идея «опрощения» была травестирована Пелевиным в романе «Ампир В» (2006), где вампиры-толстовцы пили кровь натуральным способом. А в романе «Чапаев и Пустота» (1996) Лев Толстой увиделся Петру Пустоте катящимся по Стиксу и преследуемым Цербером. Указанный эпизод, а также ряд концептов, связанных с духовным путем Толстого, Пелевин разовьет и всерьез и иронически переосмыслит в романе «t».

При этом нужно отметить, что переключки между прозой Пелевина и толстовским творчеством не всегда очевидны. В интервью журналу «Правила жизни» от 2021 года, на которое, в связи с анализом толстовских мотивов у Пелевина, обратил внимание А. Д. Соловьев [8], писатель говорит, что «смерть — это пробуждение от жизни» и приводит пример с Арлекином, который существует лишь как маска, замечая, что поэтому о том, что будет с ним после окончания представления, говорить бессмысленно (схожий образ и похожая мысль есть в романе «t»). А далее в подтверждение своих слов Пелевин напоминает о дневнике Льва Толстого: «Умирая, мы просыпаемся от того, что считали собой. Кстати, в дневнике Льва Николаевича Толстого описан потрясающий сон на эту тему» [9]. Можно предположить, что речь идет о записи от 15 сентября 1909 года, в которой Толстой вспоминает свой сон об охоте и замечает, что «обман происходит и в том, что мы называем действительной жизнью. Только с той разницей, что от того сновидения мы проснулись, а от жизни проснемся только при смерти. Только тогда мы узнаем и убедимся, что реально было в этой жизни то, что спало и что проснулось при смерти» [10, 250]. В контексте романа «t» эти слова являются одним из смысловых центров повествования.

Кстати, интересен и другой сон Льва Толстого. Это рассказ «Сон» (1858). В центре текста — ощущение морального стыда человека, волею судеб оказавшегося возвышенным перед другими людьми [11]. Но экспозиция этого сна заставляет вспомнить об эпитафии к «Чапаеву и Пустоте»: «Глядя на лошадиные морды и лица людей, на безбрежный живой поток, поднятый моей волей и мчащийся в никуда по багровой закатной степи, я часто думаю: гдя Я в этом потоке?» [12, 5]. В пелевинском эпитафии имеются мотивные и текстуальные совпадения с толстовским «Сном»: герой находится перед «потоком» у Пелевина, перед «толпой», над которой мысли поднимались «потоком», — у Толстого; поток у Пелевина поднят волей героя, «толпа вздрагивала как один человек» — у Толстого; герой Пелевина задается вопросом о границе между толпой и собой, герой Толстого замечает, что люди были для него «частями одного лица, покоренного» им; герой «Сна» — царь, на котором «одежда древних» [11], у Пелевина под эпитафией стоит имя

Чингиз Хана. Иными словами, можно предположить, что придуманный Пелевиным эпитафией одним из своих источников имеет «Сон» Л. Н. Толстого, из которого им заимствован мотив соотнесения отдельной личности и множества. В финале рассказа Толстой актуализирует моральную составляющую, Пелевин же, переосмысляя толстовский рассказ, выводит на первый план составляющую онтологическую.

Возвращаясь к роману «t» и его связям с «Чапаевым и Пустотой», нужно отметить, что, кроме ставшего графом Т. Льва Толстого, в этой книге появляются и другие герои из раннего пелевинского романа — это Урган Джамбон Тулку VI и Василий Чапаев. И, возможно, Анка-пулеметчица, которая в «t», будучи еще маленькой, отмечается тем, что передает привет «страшному дяде с бородой» [13, 392], то есть графу Т, и становится примером личности Абсолюта [13, 342].

Урган Джамбон Тулку — автор предисловия к «Чапаеву и Пустоте», задающий необходимость буддийского его прочтения. (Отметим, что в романах «t» и «Generation «П»» речь идет об Ургане Джамбоне Тулку VI, тогда как в «Чапаеве и Пустоте» — об Ургане Джамбоне Тулку VII. Представляется, что это все-таки случайная ошибка, а не пример реализации способности тулку к переносу сознания. Прим. Наше. — Л. Д.) (Кстати, этот персонаж появляется также в романе «Generation «П»» (1999), где выступает в качестве специалиста по рекламе, поясняющего обманную механику ее работы [14, 197–198].) По словам Чапаева, Урган Джамбон Тулку вырос в Париже. Его имя — Джамбон в переводе с французского — «ветчина». Он настоящий лама-перерожденец, но его титул куплен родителями [13, 339]. Соловьев (персонаж «t»), со слов самого Ургана Джамбона Тулку, по поводу его титула сказал следующее: «...есть две категории людей, которые в них верят: неграмотные кочевники страны снегов и европейские интеллигенты, охваченные неугасимой жаждой духовного преображения» [13, 330]. Этот пассаж отсылает к статье И. Берхина конца 1990-х годов «Прогулки с Котовским, или Из мениппеи снов не выкинешь», в которой тот предположил, что имя ««Джамбон» <...> практически омофонично французскому jambon, «ветчина». Таким образом, уддиянская любовь превращается в парижский криминал с гастрономическим оттенком» [15]. Берхин также отмечает и присутствие в его имени «слога «бон» <...> помимо добуддийской тибетской религии этим словом в Тибете обозначают всякую черную магию» [15]. В романе «t» этот Урган Джамбон Тулку выступает в качестве спирита. Чапаев говорит, что «джамбон» напоминает одновременно «про стадо свиней и завтраки на Монмартре» [13, 339]. Родители Ургана Джамбона Тулку были скотопромышленниками. «Стадо свиней» вызывает ассоциацию с евангельскими бесами. Неслучайно снадобье, которое делает лама, называется «слезы Шукдена». Дордже Шукден —

тибетское божество-защитник, то ли темной, то ли светлой природы, вызывающее дискуссии в современном буддийском сообществе. Ингредиенты для снадобья, по словам Чапаева, Урган Джамбон Тулку покупает у голландских матросов. Указание на их национальное происхождение вызывает ассоциацию с наркотическими веществами. Наконец, фамилия «Берхин», по одной из версий, происходит от слова «Barch» — «боров» — и означает человека, который держал свиней. Таким образом, Пелевин вступает в заочный диалог с автором статьи, иронически развивая его идеи и, возможно, через систему ассоциаций отчасти иронизируя над ним самим.

Василий Чапаев из «Чапаева и Пустоты» в романе «t» учится на кавалериста и так же, как и Урган Джамбон Тулку, он знаком с Соловьевым. В каком-то смысле они оба, как и граф Т. [16, 117], — его ученики. В финале книги граф Т. снова вспомнит про палец, который когда-то хотел отрубить. Лошадь, вероятно, напоминающую о «Холстомере», с которой он разговаривает и которая убеждает его совершить задуманное, он посылает к Чапаеву: «Может, его уговоришь насчет пальца» [13, 409]. Пелевин здесь обосновывает появление образа «пальца будды», или «глиняного пулемета», в «Чапаеве и Пустоте», который превращал реальность в пустоту, то есть открывал истинную природу реальности: «...то, что он называл «реальностью», обязательно пустит где-нибудь ростки. Вот пусть Чапаев с ними и разбирается» [13, 409]. Кстати, в эссе А. Л. Иванченко «Освобождение Толстого» финальные главы, предваренные словами Будды об иллюзии реальности, посвящены сравнению Толстого и Холстомера. Холстомер, как и Толстой, у Иванченко спокойно идет на смерть, не оглядываясь на мир и исполнив «Божественный закон» [17, 360].

Помимо «Холстомера», Пелевин деконструирует в «t» и другие сюжеты и образы прозы Л. Н. Толстого. Так, граф Т., подобно отцу Сергию из одноименной повести, собирается отрубить себе вышеупомянутый палец, а позже Аксинья интерпретирует это в контексте известной дзэнской притчи об учителе, который лишил самонадеянного ученика пальца, тот же, увидев автоматизм своих действий, обрел просветление [18, 186–187]. При этом писатель одновременно высмеивает поверхностный критический взгляд на буддизм, когда это «просветление» характеризуется как «люциферическое духовное наслаждение» [13, 307].

Медитация графа Т. на собрании соловьевцев отдаленно напоминает «арзамасский ужас» Л. Н. Толстого: «...он вгляделся в мерцающую черноту перед глазами. В ней вспыхивали призрачные огни; косо поплыл вниз отпечатавшийся на сетчатке прямоугольник окна» [13, 321]. Ср. в «Записках сумасшедшего»: «Как, я помню, мучительно мне было, что комната эта была именно квадратная. Окно было одно, с гардинкой красной <...> Когда я очнулся, никого в комнате не было и было темно» [19, 153]. Шаматха

на произвольном объекте, которую выполняет граф Т., истолковывает эпизод, случившийся с реальным Толстым, как медитацию, которая открыла ему его внутренние сомнения.

Урган Джамбон Тулку, вспоминая о разговорах с Соловьевым, рассказывает о секте чань-буддизма Линьцзи и ее учителе, что в парадоксальных, намеренно вульгаризированных образах описывал будду как «что-то вроде дыры в отхожем месте» [20, 148]. Сам Линьцзи Исюань помещает этот образ в главу, посвященную идее о незавершенности Учения, и не поясняет его. Пелевин в «t» предлагает понимать линьцзи-исюаневскую «дыру» как удачный образ пустотности, не имеющей своей собственной природы. Интересно, что в книге В. С. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900) упоминается о религии т.н. вертидырников, или дырмоляев, что молились на дыру в избе. Философ не называет имя Толстого. Но оно восстанавливается из контекста: «Хотя «интеллигентные» дырмоляи и называют себя не дырмоляями, а христианами и проповедь свою называют евангелием, но христианство без Христа — и евангелие, то есть благая весть, без того блага, о котором стоило бы возвещать, именно без действительного воскресения в полноту блаженной жизни, — есть такое же пустое место, как и обыкновенная дыра, просверленная в крестьянской избе» [21, 9]. Далее В. С. Соловьев, также прямо не называя, сравнивает это «интеллигентское» толстовство с буддизмом [22, 19–20], чей высший идеал видится ему отрицательным. Таким образом, получается, что Соловьев из романа «t» вступает в заочную дискуссию с реальным В. С. Соловьевым, предлагая положительное истолкование «отрицательного» идеала буддизма, в отличие от своего прототипа (см. книгу «Оправдание добра» (1899)).

Одна из последовательниц пелевинского Соловьева, фактически являющегося буддистом, вспоминает его слова о В. В. Набокове (который «не то Филин, не то Алконост» [13, 324]): в одном из набоковских произведений умерший сравнивается с узлом на струне, который в момент смерти вместе со всем миром распутывается, и это говорит в том числе о том, что никакого узла на самом деле нет. А. В. Леденев в статье о стилевых традициях Набокова в современной русской литературе указывает, что Пелевин имеет в виду роман «Истинная жизнь Себастьяна Найта» и что «в современной прозе отсылку к набоковской традиции» «чаще всего маркируют» «образы ажурного узла или парчового узора», которые характеризуют «одновременно и прихотливые повороты человеческой судьбы, и формальные особенности «плетения словес»» [23, 73]. Однако в данном случае речь идет о не «прихотливых поворотах судьбы», а об откровении об истинной жизни человека, которая обретается за пределами привычных нам физических и психических пред-

ставлений: «...распутано было бы всё — всё, что он мог представить в наших детских терминах «пространство и время», которые оба — загадки <...>. Теперь он уловил нечто подлинное, ничего не имевшее общего с какими бы то ни было мыслями, ощущениями, опытом — со всем, чем он обладал в детском саду жизни...» [24, 234].

Итак, между романами Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» и «t» существуют множественные межтекстовые связи. Центральной фигурой, вокруг которой отстраивается роман «t», является Лев Толстой, точнее, масскультная проекция мифа о нем как о писателе и духовном искателе — граф Т. Таким образом, эпизодическое появление Толстого в «Чапаеве и Пустоте» становится в «t» ядром большого романного сюжета.

Кстати, одно из возможных истолкований эпизода пересечения графом Т. Стикса, равно как и всего романа «t», — это идея о том, что тот умер и оказался в бардо — в промежуточном состоянии умирания [25, 116]. Причем он сам ясно это осознает: «...вас убили у лодочной станции?» [13, 224] Ариэль, объясняя графу Т. что есть смерть, говорит следующее: после смерти «сохраняется остаточное мерцание, мысленный туман. Некая инерция индивидуального существования» [13, 157]. Это время, когда «личная вселенная», «ум может устремиться куда угодно» [13, 158]. Таким образом, в «бардо», на «кладбище музейного кладбища» [13, 410], граф Т. встречается с трансформированными концептами своих духовных исканий и литературными порождениями [5, 138]. Ср. с Коренными строфами шести Промежутков Тибетской книги мертвых: «Теперь, когда настала для меня сама Реальность Промежутка, / избавлюсь от призраков, рожденных бессознательным ужасом, / узнаю все предметы как порождения моего собственного ума / и приму их как примеры восприятия в промежутке. / Подойдя к этому моменту, приблизившись к последнему рубежу, / да не утрачу своих собственных видений мирных и гневных божеств!» [26, 169]. Пересечение последнего рубежа, или «последней заставы» [13, 408], в финале романа символизирует полное и окончательное освобождение графа Т. от мира омрачений.

В центре внимания Пелевина оказываются буддийские мотивы жизни и творчества Толстого. В «t» в буддийском ключе деконструируются сюжеты и образы толстовской прозы, его связи с русской религиозной философией. Граф Т. выступает в книге в качестве интегральной фигуры, которая сводит на себя все смыслы, проговариваемые другими буддийски мотивированными персонажами «Чапаева и Пустоты», оказавшимися в «t».

Пелевин, подобно И. А. Бунину и А. Л. Иванченко, видит во Льве Толстом буддийского искателя, отправляющегося навстречу Абсолюту. При этом попутно писатель обозначает в книге различные воз-

можные заочные диалоги, связанные с буддийской тематикой, — между героем и его прототипом (граф Т. и Толстой, Соловьев и В. С. Соловьев), между писателем и критиком (В. О. Пелевин и И. Берхин), между толстовством и буддизмом, наконец, между буддизмом и буддизмом (одна из составляющих «t» — сатира, направленная на примеры современного профанного и коммерциализированного буддизма).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гречин Б. С. Апология русского буддизма / Б. С. Гречин. — Ярославль: Местная буддийская религиозная организация «Буддийская община “Сангье Чхо Линг”», 2016. — 64 с.
2. Серебряный С. Д. Лев Толстой и буддизм / С. Д. Серебряный // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 3. — С. 10–24.
3. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России (социально-философский анализ): автореферат дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Уланов Мерген Санджиевич. Ростов-на-Дону, 2010. — 54 с.
4. Дубаков Л. В. Два «Освобождения Толстого»: И. А. Бунин и А. Л. Иванченко о смерти и творчестве / Л. В. Дубаков // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. — № 2. — С. 86–91.
5. Симкина В. С. Деконструкция мифа о духовном пути Л. Толстого в прозе В. Пелевина / В. С. Симкина // Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков: материалы XXIII Шешуковских чтений, Москва, 01–02 февраля 2018 года. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. — С. 138–144.
6. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — С. 259–367.
7. Бекметов Р. Ф. Русская литература 1830–60-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций: дис. ... д-ра филол. наук / Р. Ф. Бекметов. — Казань, 2019. — 411 с.
8. Соловьев А. Д. Трансцендентальный мотив. Случай Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, В. О. Пелевина / А. Д. Соловьев // Аммосов-2021: Сборник материалов научно-практической конференции студентов СВФУ, Якутск, 12 апреля 2021 года. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, 2021. — С. 517–519.
9. Правила жизни Виктора Пелевина. Интервью с В. Пелевиным от 22.11.2021. — Режим доступа: <https://www.pravilamag.ru/hero/70-pelevin/> (дата обращения: 02.07.2023 г.).
10. Толстой Л. Н. Дневники и записные книжки (1909) / Л. Н. Толстой. — Репринтное издание. М.: Nobel Press, 2010. — 454 с.
11. Толстой Л. Н. Сон / Л. Н. Толстой. — Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/chernoviki/son.htm> (дата обращения: 02.07.2023 г.).
12. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота / В. О. Пелевин. — М.: Вагриус, 2003. — 415 с.

13. Пелевин В. О. t: роман / Виктор Пелевин. — СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2020. — 416 с.
14. Пелевин В. О. Generation «П» / В. О. Пелевин. — М.: Вагриус, 2000. — 368 с.
15. Берхин И. Прогулки с Котовским, или Из мениппеи снов не выкинешь / И. Берхин. — Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-cotovskiy/1.html> (дата обращения: 02.07.2023 г.).
16. Ланин Б. А. Новая старая литературократия: Соколин и Пелевин в борьбе с традициями / Б. А. Ланин // Ценности и смыслы. — 2015. — № 6(40). — С. 110–123.
17. Иванченко А. Л. Освобождение Толстого: буддийские мотивы в жизни и творчестве Л. Н. Толстого А. Л. Иванченко // Международные яснополянские писательские встречи, 2003–2005. — Тула: Ясная Поляна, 2007. — С. 331–360.
18. Маслов А. А. Чань отрубленного пальца // Лучшие притчи дзэн: обычные истории о людях необычайных / А. А. Маслов, Е. С. Логинова. — Ростов н/Д: Феникс; Краснодар: Неоглори, 2009. — 342, [10] с. — С. 186–187.
19. Толстой Л. Н. Дьявол / Л. Н. Толстой. — М.: АСТ, 2022. — 352 с.
20. Линь-ци лу. Вступ. ст., пер. с кит., коммент. и граммат. очерк И. С. Гуревич. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. — 272 с.
21. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Три свидания / В. С. Соловьев. М.: — Карамзин, 2018. — 186 с.
22. Бернюкевич Т. В. Буддизм в российской философской культуре. «Чужое» и «свое» / Т. В. Бернюкевич. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — 160 с.
23. Леденев А. В. «Узор плел прозу»: стилевые традиции В. Набокова в современной русской литературе / А. В. Леденев // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв.: сборник научных статей. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. С. Я. Гончаровой-Грабовской. — Минск: РИВШ, 2010. — С. 73–78.
24. Набоков В. В. Истинная жизнь Себастьяна Найта / В. В. Набоков; пер. Г. А. Барабтарло. — М.: Corpus, 2023. — 320 с.
25. Неаполитанский С. М. Энциклопедия буддизма / С. М. Неаполитанский, С. А. Матвеев. — СПб.: Институт метафизики, 2007. — 928 с.
26. Турман Р. Тибетская книга мертвых / Роберт Турман; пер. с англ. О. Альбедилы. — М.: Открытый Мир, 2005. — 352 с.

Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай

Дубаков Л. В., кандидат филологических наук, доцент филологического факультета

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, PRC

Dubakov L. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Philology of the Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, PRC

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru